
Лидия Гусева
Деревенский плацкарт
18+

Лидия Гусева

Деревенский плацкарт

https://litres.ru/74677602
SelfPub; 2026

Аннотация

«Деревенский плацкарт» — это не про дорогу из пункта А в пункт Б. Это про то, как по пути мы встречаем друг друга. Про то, как случайный попутчик может рассказать тебе самое важное. И вот сидишь ты на нижней полке, смотришь в окно, а рядом кто-то тихо рассказывает про свою жизнь. А ты слушаешь, киваешь, иногда просто молчишь, чтобы не спугнуть эту искренность. Этот сборник — про тех, кто живёт не напоказ, а по совести. Про тех, кто умеет быть сильным, когда сил совсем не осталось. Про тех, кто знает: счастье не падает с неба. Его иногда приходится искать по сугробам, в темноте, с мокрыми от слёз ресницами. Но оно того стоит. В этих рассказах нет супер героев, зато в них есть люди, которые умеют держать удар и не теряют доброты. Они живут в деревнях и посёлках, ездят в старых автобусах, моют окна перед дождём, строят гостиницы на берегу Волги, работают у станков и растят детей. А если совсем кратко, то эта книга для людей, влюблённых в деревню!

Лидия Гусева
Деревенский плацкарт

Тренировка

А замечали ли вы такой парадокс? Если баба трындычиха, то муж у неё молчун. Ну, а если мужик – балабол, то значит у жены слова не вытянешь клещами. Обычно так. Вот о первых и пойдёт рассказ.

Сколько Верка себя помнила, всегда у них в семье были шутки и смех. Заводила всех бабушка, то есть её мать. Пожилую женщину хлебом не надо было кормить, дай только от души посмеяться, разыграть себя или других, разыграть кого-нибудь. Однако, надо заметить, что бабушка была глубоко верующей, и в дни постов никогда не шутила, даже не улыбалась, что было так не свойственно её образу и характеру, что у домочадцев вызывало добрые хихиканья, но хихиканья за углом. Вера есть вера!

И Верка такая выросла. Шутки у неё были необычные, оригинальные, такие, чтобы самой можно было посмеяться до упаду. А поболтать-то, как любила, на все темы могла. Ясное дело, муж-молчун, так ей с соседками надо было выговориться, с покупателями в продмаге перемолоть всё, на работе побалагурить от души и просто с незнакомыми людьми перекинуться словечками. А если с подругами собирались, то главной темой были роды. Всё время вспоминали незабы-

ваемые события в жизни каждой женщины. Кто и как рожал, тяжело или легко, как ходил с токсикозом, какой вес и рост, какие акушерки, как и что кричали роженицы, сколько было молока и т.д. Заслушаешься! Это точно, как мужики рассказывают о своих подвигах, когда вместе собираются. Кто где служил в армии, или на войне был, какие трофеи приносил с рыбалки или охоты, кто сколько и с кем выпил, кто гол забил, ну и про секс не забывали, в отличие от сельских женщин, для которых эта тема была табу.

Верины дети и внуки удивлялись и смеялись, когда они встречали мать с поезда на вокзале, обвешанную авоськами с деревенскими заготовками. Весь вагон выходил, наоборот, их встречать. Попутчики за время пути всё о них досконально уже знали, где кто учился, кем сейчас работает, в какой квартире живут, сколько детей, и в каких кружках они занимаются. А какими её дети были в детстве, могла с пелёнок их биографию рассказать. Короче, весь плацкартный вагон улыбался и приветствовал их по именам уже, как родных!

Вот такая была Вера, наверно, жизнерадостнее всех на свете! Даже дети признавались, что в ней, пожилой, больше жизни, чем в них! Одна беда, ну не беда, конечно, с другой стороны, муж был охотником и рыбаком. Достаток был в доме постоянно. Но вы знаете, что такое рыбак! Рыбак – человек сентиментальный, поэт, романтик, короче, молчун. Захотел бы поговорить, да и то нельзя, спугнёшь зверя, но и рыба – не дура, всё слышит. Хорошо всё, когда в меру, но

муж был всем молчунам молчун! До такой степени, что мог утром сказать жене: «Здравствуй», а вечером второе предложение: «Спокойной ночи». На что Верка отвечала ему, хихикая: «До свидания!»

Нет, когда женихался, и стихи читал, и на гармошке играл, да песни пел. Всем девчонкам Павел нравился! Бегали за ним табунами. А выбрал длинно косую смешливую Веру, у которой рот закрывался только во сне. Видимо, тогда ещё догадывался, что интроверт по натуре своей. Однако, как известно, противоположные полюса притягиваются друг к другу.

А теперь Вера страдала от гробовой тишины и молчания в доме. Дети разъехались, жили в городе, скучала она по ним, особенно по внукам, и, кстати, по прежнему Павлу, который вечно работал, а по выходным пропадал на своей романтической рыбалке или охоте. Ей хотелось не только поговорить, но и услышать слова от мужа, как в молодости, что любит он её, что кроме неё нет никого на целом свете! Ведь женщины любят ушами, народ не глуп, раз так говорит.

Однажды выдумщица добилась своего всё-таки. Полезла в подпол, резко сбросила лестницу, вёдра с банками следом, чтобы Пашка услышал грохот, легла на земляной пол, притворилась мёртвой и стала ждать. И дождалась.

– Мать (иначе он её и не называл, а то и бабкой), что у тебя там стряслось?! Что за грохот? – послышался пока ещё спокойный голос мужа. Он заглянул в квадратный люк, уви-

дел там бездыханную жену, лежащую на полу, а сверху лестница на ней.

– Верочка, Верунчик, что с тобой? Господи, как же ты могла так упасть, не осторожно-то! Погоди, погоди, моя хорошая, сейчас я помогу тебе!

Глубина подпола была метра два. Супруг лихорадочно сел на край проёма, спустил ноги, потом полу развернулся, ухватился руками за край люка и спрыгнул вниз. Вера лежала недвижима, не один мускул не дрогнул на лице, хотя смеяться ей хотелось до коликов в животе.

– Верочка, Веруся, любимая, да что это? – Павел начал дрожащими от волнения руками ощупывать жену, где какие повреждения, уже навзрыд голосил, так как Вера не подавала признаков жизни:

– Как же я без тебя? Я же умру тоже! Что ж ты наделала, голубка моя, солнышко моё! Да какой же я дурак! Мне самому надо было слазать за картошкой! Девочка моя, не покидай меня, счастье моё! – причитаниям и слезам мужа не было конца. Но вот он приблизился к каменному лицу жены, убедиться, может она ещё дышит? Тут Верка не выдержала, да как рассмеётся ему в лицо с литрами воздуха, которые старательно держала пару минут в лёгких! Аж пузыри пошли! Это, надо было быть там и видеть лицо Павла, его чуть столбняк не хватил! Месяц с женой не разговаривал. Видимо, стеснялся своих откровений в подполе. Зато Верка получила то, что хотела. Он любит её, любит, жить без неё

не может! Озорница, одним словом!

Простил Веру муж, только после её очередной выдумки:

– Да тренировалась я, Паша. Тре-ни-ро-ва-лась. Вон Машка прошлым летом медведя в лесу повстречала. А я-то тоже часто одна хожу за ягодами. Ведь, ты всё, окаянный, на рыбалке торчишь. Вот и прикинулась мёртвой. Получится али нет? Ты же сам меня учил, как медведя за нос обводить!

Вот так. Везде Вера будет правой! А теперь ещё более жизнерадостней стала, ведь такие сердечные признания получила от мужа!

И эту историю про любовь в подполе она частенько рассказывала. Ничего скрывать не могла!

Шальная дочь

Дочка у меня, прямо скажем, шальная! Нет, не подумайте, в хорошем смысле слова. И умница, и красавица, и руки золотые! Не знаю, наверно, для всех матерей дочери такие – любимые! Но, чтобы вы поверили, что она такая у меня, придется рассказать. В нашей сельской школе лучше всех была, училась на одни пятерки, все кружки, которые были в школе и Доме Культуры посещала и спортом занималась. Хотела выучиться на педагога и остаться в селе. Края у нас знатные, село огромное, да еще на крутом берегу Волги-матушки. Но, дальше по обычному сценарию – влюбилась в 16 лет. Потом оказалось, что влюбилась в того парня намного раньше. Случайно попала в компанию молодежи, провожа-

ющих его в Армию. И … случайно поцеловалась с ним. Сказала, что будет ждать его со службы. Для нее этот поцелуй оказался очень долгожданным, а для него – мимолетным и обыденным. Пришел он с Армии, и ухом не повел. Переживала дочка, считая себя некрасивой, уродливой, потрясение было сильным. Даже обозлилась на всех мужчин. Но собрала в себе силы, сдала ЕГЭ почти на 100 баллов и поехала поступать в область, сказав при этом, что учиться будет на туристический бизнес, выйдет замуж за какого-нибудь иностранца и забудет ненавистное село и ненавистного Андрея. Сказала, как отрезала, и добавила, смеясь: «Андрей, Андрей, пусть гоняет голубей!» Поплакали мы с отцом и отпустили. А как не отпустить? Если девушка или женщина что-то задумала, то никакие цепи не помогут!

Во время учебы, насколько мне известно, было у нее еще два головокружительных романа, но успехом они не увенчались. Приезжала дочка на каникулы, в двух-трех словах рассказывала, причитая: «Ну что я такая несчастливая? Кого я люблю, тот меня не любит!»

Окончив институт, устроилась менеджером в туристическую компанию. Шла по карьерной лестнице легко и играючи. Вышла замуж, но не по большой любви. Родила девочку, однако семейная жизнь у них не складывалась. Вдобавок ко всему, снова влюбилась, теперь в женатого мужчину. И опять безответно. А годочков-то уже под сорок. Решила наша Людмила круто поменять свою жизнь, начать ее заново и

вернуться в родное село. Дочку в охапку и «здрасьте!» Мы рады-радешеньки с мужем, ведь нам за 60 уже. Еле отпустили ее с работы. Хватка в бизнесе была у нее бешеная! В нашем селе сразу взяла в аренду двухэтажное здание на берегу Волги и за три месяца обустроила гостиничный комплекс. Уверенность во всех делах никогда ее не покидала: «Вот увидишь, мама, сюда еще иностранцы будут приезжать! Наша природа – это золотоносная жила!» Все так и обернулось. И стоянку для машин она построила, и рекламу во всех СМИ и с растяжками на шоссе дала, а с прошлого года, и пирс построили на берегу. Сначала причаливали катера и прогулочные пароходики, а потом и поболее. Короче, хватка у нее железная, говорю же шальная! Трудоголик! Любила выйти и администратором поработать, когда кто-то из сменщиц не мог. В любви не везет, так в работе хотя бы. Переживала я за нее.

И вот однажды приходит она со смены и со смехом мне рассказывает:

– Мам, прикинь, у нас тут психиатр поселился на двое суток, проездом. Какой-то известный, фамилия крутая, а аватар, как с обложки журнала. Пожелала я ему «приятного аппетита!» в нашей кухне-столовой, ты ведь знаешь, администраторам надо завтраки раздавать, что я начала и делать. А он не заказывал завтрак, ел свои бутерброды с чаем. Ну он и начал: «Как у вас хорошо тут, чисто, красиво, и люди такие воспитанные, интеллигентные!»

– Да, стараемся, – говорю я, – марку держать. Не знаю, как насчет интеллигентности, но добрее точно. В провинции всегда люди добрее и отзывчивее, – продолжаю я и тут же вспоминаю, сколько натерпелась в области от всех, в том числе и от свекров, и мужа. Он продолжает:

– Это вы точно подметили. Вот больше всего интеллигентности – так это в Петербурге. Сколько утонченности, рафинированности! – И стал с удовольствием рассказывать. – Был я как-то в Эрмитаже. Ну настолько устал, что взял и плюхнулся в бархатное кресло, вытянув ноги, в одном из залов. Смотрительница долго смотрела на меня, потом подошла и сказала: «Ну, раз уж вы осмелились сесть в присутствии императрицы, – и она показала на портрет Екатерины II, – то позаботьтесь принять более подобающую позу!» Вот где ум, грамотность, воспитанность! – Подчеркнул гость.

– А кто вы по профессии? – Спросила я.

– Я – врач. Врач-психиатр. Но уже не практикующий, – улыбнулся лукаво он.

– О, как здорово! Надо воспользоваться вашим пребыванием здесь! Взять консультацию! – Обрадовалась я и спросила, – а от чего люди сходят с ума?

– Много факторов, в том числе и генетические.

– А я думаю от любви! И мужчины в большей степени виноваты!

– В некотором роде вы правы. Есть безумная любовь или сумасшедшая, и есть любовь обыкновенная.

– Ой, у меня все любови были безумными! – Рассмеялась я.

Тогда психиатр посмотрел на меня пристально, как под микроскопом, типа, как же можно про себя говорить такое! А мне почему-то показалось, что он наврал, самый настоящий практикующий психиатр!

– А разве можно согласиться жить с обыкновенной любовью? – Спросила я. – Это тоже самое, что считать себя средней, ординарной личностью, посредственностью!

– Безумная любовь порождает много зла. – Подчеркнул он.

– Но и хорошего не мало! Как бы скуден был мир без Данте, Ницше или безумных персонажей Дон Кихота, князя Мышкина? Думаю, что и все великие люди были поражены этой болезнью.

Психиатр уставился на меня еще пристальнее, а я продолжала:

– Мне кажется, что безумная или великая любовь дается только самому доброму сердцу! Поэтому, так мало настоящей любви, о которой мечтают многие, хотя сами скупятся на доброе сердце… Ты знаешь, мам, тут он резко встал, подошел к стойке и начал уплетать пирожки, которые предназначались другим гостям. Я виду не подала, мне-то не жалко, только другим не хватит, которые заказывали, а сама думаю про себя: «Да уж, интел-ли-генция!»

И дочка опять расхохоталась!

– А потом мне пришлось другим гостям объяснять и извиняться, что их пирожки съел психиатр.

Смех Людмилы не кончался. Тут я не выдержала:

– Как была ты дурочкой, дурочкой и осталась! Влюбился он в тебя! И проверял тебя на ту самую великую доброту. Как ты отреагируешь, правду ли сказала о себе?

– Мам, глупости не говори! – Дочка неверующе посмотрела на меня. – Нет, я так и знала, не практикующих психиатров не бывает!

Оказалось, что больше я права. Совсем не глупости! Через неделю психиатр возвращался из своей командировки, заехал в гостиницу с полной корзиной пирожков. А вскоре сделал нашей шальной Люське предложение!

А на том берегу

– Дай ты ему по морде, делов-то куча! – Михаил советовал своему другу Сереге, у которого не так давно умерла жена.

– Да как я ему дам? Скажешь тоже! Если бы он живой Валюхе дарил цветы, а то ведь к покойной ходит, – сомневался Сергей.

– Ну ты даешь! Вся деревня уже смеется, а у тебя ни капли ревности! – Не унимался дружбан. – Может, он к ней и живой ходил, а?

– Вот кому я сейчас врежу, так это тебе, Миха! Как ты смеешь говорить такое про Валю? – Сергей начал злиться.

– А то ты не знаешь, что она до тебя с Колькой встреча-

лась. Вот скажи, почему он до сих пор не женился, так и прожил бобылем пятьдесят лет? – продолжал тему Михаил.

– Почем я знаю. Значит, были причины, может по мужской части.

– Ну и дурак же ты, Серега! По мужской части! Любил он твою Валюху. – Друг детства захохотал.

– Ну, это его дело. А Валя любила только меня. Конечно, приятного мало, чужой мужик чуть ли не каждый день таскает цветы ей на могилу. Деревня смеется. Надо что-то делать, пусть не порочит память жены. Ну, хватит о больном. Пойдем лучше Валю помянем, скоро уж полгода будет…

А деревня-то не смеялась, а жалела одинокого Николая, даже больше, чем супруга Вали. Он словно умом тронулся, когда Валентина скончалась от инфаркта. Вот только пятидесятилетний юбилей ей справляли в сельском кафе, а вскорости там же и поминки. Никому она не рассказывала, что сердечко пошаливало. Вот так разом и внезапно. От этого еще горше. Хоть и была эта история тридцать с лишним лет назад, но память у деревенских долгая. Встречалась Валя с Николаем до его отправки в Армию. Обещала девушка ждать солдата, а как отслужит, так и мечтали они пожениться. Только судьба по-иному распорядилась. Одна соседка-завистница, которой также нравился Николай, взяла и написала ему в часть, что мол Валя со второго дня, как он уехал, с другим встречается, и вроде округлилась вся, видимо, ребенка ждет. Что там в части творилось с Николаем, никто

не знает. Но он перестал писать Валентине, а у матери попросил разузнать, как да что? На вопрос мать ответила ему, откуда ей знать дела молодые? Все молчат. Да неудобно ей к девушке идти, расспрашивать. Получив такое нейтральное письмо, юноша совсем уверовал, что Валя с другим, видимо, мать пощадила его нервы, написав, что не знает ничего. Вот так и разладилась их большая любовь. Пару раз девушка писала ему еще, хотела узнать причину его молчания. Но он не отвечал. Светка-разлучница еще подлила ему масла в огонь, написав, что Валька его за запасного держит, дескать, сама ей говорила.

Прошло полтора года, и «брошенная» Валентина действительно начала встречаться с парнем. Сергей был старше ее на пять лет, и как-то они быстро сошлись, свадьба была в аккурат, когда Николай вернулся с Армии. Неугомонная Светка все уши ему прожужжала:

– А я тебе что говорила? А я тебе что писала!

В те времена законы были не мягкими, и людьми соблюдались. После Армии можно было месяц, два не работать, а потом будьте добры приступить к трудовой деятельности. Весь этот месяц Николай пил. Пил с горя и горькую. Как увидел свою Валю-красавицу на улице, так и все чувства забурлили вновь. Их с матерью дом стоял в конце поселка на яру. С огорода можно было спуститься сразу к реке, где Николай еще раньше соорудил мостки, чтобы рыбу удить или самому понырять с разбегу в хорошую погоду. Тут же и лодка была

его причалена. Не раз влюбленная парочка каталась на ней по реке. Воспоминания не отпускали парня. Да, он был очень гордым, но и сентиментальным в душе также. Весь месяц его голос под гитару раздавался эхом по реке:

«В первый раз я любил и от счастья был глуп,
В первый раз пригубил дикий мед твоих губ,
А на том берегу, там на том берегу,
Было то, что забыть, никогда не смогу»

За их домом была такая уютная опушка, где молодежь любила собираться, жечь костер, музыку слушать или самим попеть. Ребята еще называли это место «Дом Культуры № 2». И вот, как только Николай заведет у себя на мостках: «А на том берегу мой костер не погас», Светка на полянке начинала отплясывать и во весь голос горланить частушки:

«Половина месяца
Половина светится,
Есть у нас такой мальчишка
За любовь повесится»

Еще пару лет Светка ходила за парнем хвостом. Что только не предпринимала, чтобы охмурить Николая. Но он отмахивался от нее, как от банного листа. Когда она поняла, что у нее ничего не выгорит, так в отместку со злостью и рассказала ему, что писала неправду. Что Валька ждала его и ходила вся зареванная. Рассказывала в таких красках, чтобы помучительнее было парню. Вот такие доброжелатели бывают на свете. Все надо проверять и перепроверять! Николай не смог

простить себе, что повелся на сплетни, что не отвечал ей на письма и даже ни разу не подошел к ней, не поговорил. А вот теперь, вы уже знаете что. Ходит на могилу, разговаривает с ней, приносит цветы.

Сергей с Михаилом заканчивали трапезничать.

– А ты сам штоль все готовишь? Али кто тебе? – Михаил доедал жареную картошку еще с Валиными засолками-салатами.

– Сам, конечно. Вон Валентина оставила в наследство еще сколько закруток.

– Жениться тебе надо, – нравоучительно сказал хорошо подвыпивший друг. – Или будешь как лирик Колька на кладбище бегать? У тебя-то все ведь в порядке по мужской части, – Мишка опять расхохотался, вспомнив слова Сергея, – а Николаю я бы точно врезал!

Хозяин дома сжал кулаки от негодования, но пересилив себя, вышел на веранду покурить. И как он раньше не замечал, что Мишка похабник еще тот! «Нет, лучше вообще без друга, чем такого. Михаил – коров доил!» – Вспомнил он детскую обзывалку. Его мысли продолжались: «А я раньше вообще ничего не замечал, когда ты была жива. А сейчас начал замечать и даже понимать людей. Вот тот же Колька. Ведь не задумывался никто, почему он один живет, а оказывается всю жизнь тебя любил. Тут уважать надо, а не по морде бить. Не каждый так сможет. А смогу ли я? Эх, Валя, Валя, и думала ты за меня, а теперь вот все самому прихо-

дится».

Рождественские скидки

Рос Славка болезненным ребенком. Все так считали в деревне. На самом деле он был просто очень добрым, вдумчивым, часто молчаливым. Но раз считают сейчас доброту и жалость болезнью, значит, верно это в настоящее время, как не странно эта ложь звучит. Родила его Тамара в тридцать с хвостиком лет. Как-то разъехалась вся молодежь и женихи после школы, а она осталась ухаживать за больной матерью. Так и прошла ее молодость по уходу за инвалидом. Успевала еще сельских коров доить, слава Богу, что работал большой коровник с телятником в селе. Частенько летом к ним приезжали на практику студенты-ветеринары на месяц-другой. Тамара не была красоткой, но деревенская стать в ней присутствовала. Так сказать, кровь с молоком, да острым языком не обижена, в отличие от своего будущего сына. Вспыхнула страсть между одним молодым практикантом и женщиной. Никто Тамару не осуждал, хотя была она старше любовника на десять лет. Женщина сразу не тешила себя надеждами на будущую совместную жизнь, а просто отдавалась вся внезапной позднеспелой любви. И думать не гадала, что в итоге появится сын. Студент обещал при расставании писать ей и звонить, но Тамара не дождалась ни одного звонка, а на ее вызовы его телефон упорно молчал. Когда поняла, что беременна, не стала сообщать ему, да он бы не ответил. И зачем

портить жизнь и карьеру молодому парню? Незачем. Женщина только повторяла от радости: «Слава Богу, что у меня будет ребенок! Слава Богу!» Так и назвала сына Славой. Конечно, души в нем не чаяла, он был светом в ее грустном жизненном окне. Мальчишка рос очень добрым, жалел свою мать, помогал ей во всем, а с животными, как будто братом был. Кого у них только в доме не было, помимо домашней скотины. Один раз даже двух волчат, оставшихся без матери, выкормил, а затем выпустил на волю, хотя были они со мальчиком ласковее собак. Когда Славик подрос, помогал матери в телятнике. Поэтому после окончания школы вопроса не возникало, куда он пойдет учиться дальше? Только на врача-ветеринара.

Приехал в город. Здрасте вам. Его там только и ждали! Конкурс в ветеринарку бешеный. А то! Это сейчас модная профессия, прибыльная. Ветеринары, возясь со шпицами, гриффонами, пекинесами, получают больше, чем врачи, юристы и учителя вместе взятые. А искренняя любовь к животным приемную комиссию не интересует. Конечно, Вячеславу не хватило проходных баллов, выход был только один – идти на платное отделение. Мать решила взять кредит на его обучение, хотя Слава и отговаривал ее. Но для Тамары это было святое, Слава был всем смыслом ее жизни. Сын согласился, ничего не сказав матери, сам решил подрабатывать, хоть по ночам грузчиком, только, чтобы мама не уставала, взявшая на себя и утренние, и вечерние дойки.

Первой подработкой для него была раздача рекламных листовок в многолюдных местах.

– Рождественские скидки! Рождественские скидки! – Направо и налево кричал Славик, а также направо и налево пытался их вручить прохожим. Но пешеходы, которые выходили из метро, ускользали от его рук, а кто-то и больно ударял плечом, кто-то брал и тут же под ноги кидал ни в чем неповинную бумажку. Безликую серую массу, уставшую от праздников Нового года и с пустыми карманами, ничего не интересовало. У студента-первокурсника тоже звенел ветер в кошельке. А на Рождество обещала приехать в первый раз мать из деревни. Ему очень хотелось сводить ее в цирк, театр и, конечно же, купить букет цветов и большой торт!

– Скидки на обувь! Пара сапог по цене одной! Рождественские скидки! – Он старался улыбнуться каждому человеку.

– Набойку поставить - и то денег нет! – Кто-то хмуро кидал фразу.

– А это не то же самое – пара сапог по цене одного? – Спрашивал другой.

– Скидки на мебель! Доставка бесплатно! Покупайте к Рождеству новую мебель! Выкидывайте старую, как в Италии! – Славка пытался завлечь публику своими комментариями, да и самому, чтобы не скучно было.

– Какая тут мебель, квартиры - и то своей нет, и не будет, видно! – Слышал он ворчливые и досадные слова, но поче-

му-то в свой адрес.

– Да-да, а мы в ипотеку влезли, положили зубы на полку, теперь мебелью гроб только будет! – Кто-то вторил сзади. Юноше тоже была знакома эта болезненная тема с кредитами. А тут еще супервайзер уже за неделю деньги не платит. А она была тут как тут: «Молодец, стоишь на рабочем месте, дай-ка я тебя сфоткую для отчета!»

– А сегодня деньги будут? – Спросил грустно юноша, также уставший от упреков людей и от безденежья.

– Ой, нет, нет, завтра будут! Купил вас, промоутеров, один кондитерский заказчик. Хочет свернуть дело да распродать всю свою продукцию. Даже наряды для вас приготовил - дед морозовские шапочки. Будете раздавать карамельки прохожим. Вот и выплатим завтра зарплату! – И девушка полетела дальше.

Очень обрадовался Славка такой рекламе, хоть, люди будут улыбаться и радоваться! Ну и конечно, завтрашней зарплаты. До Рождества оставалось всего два дня.

– Скидки на кондитерскую продукцию «Шоколадного Дома»! Подходите, берите, угощайтесь! Подарки к Рождеству! – Он не забывал наставления своей начальницы и старался сначала раздавать по одной конфетке.

– Да что ты жадничаешь! Давай больше! Конфетки-то, небось, просроченные! – Сказал грубо один парень, а другой подхватил: «Вот именно, бесплатным бывает только сыр в мышеловке!»

– Да вы что, думаете, что мне жалко? Мне так начальница сказала, а я-то для вас хоть что, хоть мебель, хоть обувь - все бы бесплатно отдал! – Оправдывался совсем еще юный мальчишка, родом из деревни, и не слышавший никогда таких обидных слов. Он начал горстями раздавать конфеты, но слезы обиды все-таки выступили на его глазах. Да еще, какой-то яркий луч попал в соленые слезы и расщепил их на сотни искорок, как пазлы в игре…

– Вот и молодец! Вот и молодец! – Подскочила вдруг супервайзер. Все раздал. Я принесла еще работы. Вот тебе банковские карточки. Будешь раздавать в обмен на кредитные, у кого есть.

– А что, какой-то банк обанкротился тоже? – Не поверил юноша.

– Нет, наоборот, обогатился и решил помочь нуждающимся! – Весело сказала девушка. Как тут наш промоутер обрадовался! Он представил себя самым настоящим Дедом Морозом. И эта шапочка на голове от кондитера. Не высшее ли счастье – дарить людям добро и надежду! С удвоенной энергией взялся за работу.

– Подходите, люди добрые! Подарок от Банка! Меняем кредитные карты на депозитные! Самые настоящие Рождественские подарки, а не скидки!

Толпы людей подбегали к парню, тянули радостно руки со своими злосчастными картами, а получали взамен с круг-

ленькой суммой! А те, у которых не было кредитов, завистливо стояли в сторонке и только ворчали: «Это не справедливо!»

– Ну что, раздал? – подскочила девушка-начальница.

– Все, все раздал! – Довольно и счастливо воскликнул Славка. – Вот бы еще побольше карточек.

– Не волнуйся, я тебе покруче подарки принесла для раздачи! – Она сделала интригующую паузу. – Ключи от квартир!

– Вот это да! – Неверующими глазами посмотрел на нее подчиненный.

– Да-да. Будешь раздавать тем, у кого нет своего жилья! – И она умчалась дальше. Не ожидал такого поворота юноша в большом городе! Да и кто в это поверит? Он был на девятом небе от счастья, от счастья, которое дарил людям! А люди также не верили своей фортуне! Они разбирали связки ключей с написанным адресом на плакетках. Плакали и смеялись, пели и танцевали, и теперь уже были готовы, наоборот, ловить руки деревенского мальчика и целовать их. Они совсем забыли, как отталкивали их, когда он раздавал листовки, как толкали и обижали его. Да он и сам не помнил, до того был счастлив! А те, у кого были квартиры и даже по несколько, стояли в сторонке и завидовали: «Это не законно! Это не справедливо!» Тут снова подскочила супервайзер:

– Ну что, все раздал?

– Да-да, все раздал! – Опять довольно ответил юноша.

– Ну и молодец! Славно поработал. Иди домой, отдыхай, приходи завтра. – Сказала она и развернулась, чтобы уйти.

– А деньги? Вы же обещали сегодня зарплату выдать. У меня завтра мама приезжает. – Почти жалобно спросил он. Начальница развернулась и удивленно спросила:

– А ты что, себе ничего не взял? Ни банковскую карту, ни квартиру? Ничего не оставил?

Мальчик также удивленно посмотрел на нее, шутит она или что?! Как же он мог взять? Он же на работе! Как можно?!

Девушка отвернулась, чтобы он не видел ее ангельски счастливого лица, а голосом строгим и грубым произнесла:

– Нет у меня денег! И завтра можешь на работу не приходить, много вас тут таких!

– Он плачет! Он плачет! Боже мой, помоги ему! – Медсестра побежала в ординаторскую за врачами. Когда все столпились вокруг, Славка почти рыдал.

– Ух! – Вздохнул облегченно доктор. – Должен выйти из комы! Наверняка, выйдет. Будет жить. Такие рыдания, такие эмоции лучше всякого электрошока.

Молодой человек открыл глаза и опять увидел людей вокруг себя:

– У меня нет больше карточек, простите, и ключей нет, дайте мне, пожалуйста, в долг, цветы маме купить.

– С Рождеством тебя, парень! И со вторым рождением! – Произнес тут доктор. – Помнишь метро? Листовки? Тер-

акт?.. Ты сутки был в коме.

Юноша осознанно посмотрел на всех и вспомнил все… Вдруг, люди в белых халатах расступились… На пороге стояла, вся в слезах, мать. Славка поцеловал ее родные морщинистые руки и сказал:

– Прости, мама, я не успел купить тебе цветов… А я вчера Дед Морозом работал, – добавил он тихо.

– Я уверена, что ты был настоящим Дед Морозом, сынок! С Рождеством тебя! – Мать с сыном обнялись и замолчали. Они понимали друг друга без слов…

Лучше свое отдам

Деревня – это большая семья или большая изба. А как известно, сор из избы не выносят. Люди деревенские – мудрые, живут по-своему внутреннему, многовековому укладу. Знают, что все они разные, у каждого свой характер: где задоринка, где перчинка, кто поскандалить любит, у кого в голове туман от выпитого, а кто и не чист на руку бывает. Но всегда прощали всем. Что ж поделаешь, если таким уродился, а воспитание родительское и школьное не прививалось. В семье, как говорят, не без урода. А наверно, так и не интересно было бы, если все стали одинаковыми, например, идеальными. Это тогда роботизм какой-то.

У всех деревенских испокон веков были шутливо-добрые прозвища. Обычно фамилии переделывали. Если Лебедев, то «Лебедь», Киселева – «Киселиха», Головин – «Голова»,

а дети – «головастики». У Машки, тридцатилетней девки, была кличка аж из трех слов: «лучшесвоеотдам», но потом сократили до двух – «своеотдам».

– Смотри-ка, опять мадам-«своеотдам» вырядилась и в ночную смену, – говорила одна соседка другой, завидев Машку в парике и короткой юбке.

– Да уж, три дня не выходила, наверно, аврал был на работе, – поддержала другая, хотя тема была-то совсем не веселая.

Жила Мария одна с шестнадцати лет. До этого возраста с бабкой, так как в двенадцать осталась без матери. А отца своего, даже мать ее не знала. Гулящей была. Нет, был у Марии отчим, потом другой, а затем и они исчезли. В начале девяностых работы в деревне не было. Сложилась ситуация, как будто все о них забыли, так сказать, стадо без пастуха. Вот и разбрелись все по разным дорожкам да тропкам. Татьяна, мать Марии, выбрала наклонную. Чтобы прокормить ребенка и мать, решила зарабатывать деньги легким, старо известным, а в то время новомодным путем. Благо, что заманчивая автострада пролегала в четырех километрах от деревни.

Машка росла непутевой с детства. Матери было не до нее, а бабке – все равно, попивала она самогон, который гнала сама, да видимо, и девок подсадила. Было у них в доме то пусто, то густо, но большей частью, жили голодно. Вот и подворовывала девчонка с малолетства. Начала с продуктов, а

потом не брезговала и яркой бижутерией, видимо, насмотревшись на мамкины стекляшки и стразы на тряпках. Было и несколько раз, когда деньги брала из кошельков у соседей незаметно. Не все, конечно, старалась все-таки, чтобы не пронюхали ее проделки. Но соседи, не валенком шитые, замечали и говорили ей в открытую об этом. Тогда, Машка делала свои голубые глаза невинными и наивными, при этом божась и клянясь: «Да вы что?! Я лучше свое отдам! Не делала этого! Отдам свое лучше!» Вот отсюда и пошло ее прозвище. Знали деревенские, что не чиста она на руку, но в полицию и в какие-то другие инстанции не обращались. Сор из избы не выносили. Да и брала-то она немного. Хотя воровство – есть воровство. Оправдывали ее болезнью клаустрофобией и больше даже жалели «своеотдам». Особенно, когда ее мать нашли убитой на точке автострады. Дело было так и не раскрыто, да и кому нужна судьба простигосподи. В ту ночь прибежали две Татьянины товарки в слезах, сказали, чтобы забирали ее под обочиной раненую. Бабка с внучкой побежали туда, и Машка увидела первый раз, где маманя работала. На стоянке шоссе, ярко накрашенные, почти в неглиже, бабочки продолжали свою работу, улыбаясь, пошло шутя и вихляя бедрами перед дальнобойщиками. Им было все равно, что там внизу в густой траве лежит их убитая коллега…

Потом промыкались они с бабушкой еще четыре года на ее копеечную пенсию. Когда Машке исполнилось шестна-

дцать лет, бабка умерла. Легко умерла, в одночасье, видимо, от перепитого. И Мария, без царя в голове, пошла по маменькиным стопам. Одной ей хватало, воровать у деревенских она перестала, а может у своих клиентов подворовывала. Возможно, что и мать ее убили за это. Грустная история, скажите вы. Однако, это еще не все. Она только начинается!

Однажды в марте «своеотдам» возвращалась ранним утром с «работы» в валенках с галошами, а в руках – сапоги на шпильках. Путь лежал через пролесок. Снег был уже мокрый, как растворимый в чае сахар-рафинад, прилипал к обуви. Шагать было нелегко. А если сойдешь на сантиметр с накатанной дорожки, то и провалиться можно по пояс. Мария решила сократить дорогу и пойти прямиком через пруд, хотя понимала, что лед тоже, как сахар. Еще издали она увидела две неподвижные черные фигуры на одном конце большого водоема. Рыбаки. И еще две поменьше, которые двигались по середине пруда. Ребенок и собака.

– Наверно, Ванька побежал к отцу порыбачить тоже. Сегодня же воскресенье, – подумала Мария. – Значит, лед еще прочный! – Женщина приближалась к пруду.

Вдруг, вместо Ваньки, она увидела только шапку, и собаки не видно было. Сердце ушло в пятки! Мария рванулась к берегу. На ходу снимала свои набухшие валенки, крича надрывно о помощи. Показалась голова мальчика и собаки тоже. Ванька пытался держаться одной рукой за крошившийся лед, другой прижимал собаку. Рыбаки услышали крик Ма-

рии, которая уже с берега ползла по льду к пробоине. Женщина увидела, что они стремительно бегут на помощь, это придало ей силы. И вот она уже в полынье вместе с мальчиком, собаку ей удалось откинуть метра на полтора на более твердый лед. Ванька уже ни за что не хватался, был сам, как льдинка. Мария выбивалась изо всех сил, держа одной рукой десятилетнего мальчишку, а другой, делая движения, будто плывет по-собачьи. Намокшие одежды тянули вниз.

По пути мужчины прихватили две длинные хворостины, слава Богу, оказавшиеся на берегу, и уже ползли к пробоине. Но, как они вытащили Ваньку, Мария уже не видела. Ушла под лед…

Вызвали спасателей, обмороженного мальчика отправили в больницу, а Марию не нашли. Хотя долго и не искали. Кому нужна безродная? Приехали водолазы, поныряли несколько раз и все. Сказали, что течение унесло. Какое, однако, течение в пруду?! «Своеотдам» сама прибилась к берегу, когда лед сошел. Ванькины родители взяли на себя ее похороны, потом и памятник поставили:

– Если бы не она, то точно Ивану ставили бы. По гроб жизни будем ей обязаны и благодарны, – плакали они то ли от счастья, что Ванька жив, то ли о погибшей Марии.

Деревенские тоже все плакали:

– Вот тебе и «лучшесвоеотдам». Свою жизнь за мальчонку отдала. Не пожалела.

Вот как бывает! Один мгновенный поступок превращает

всю долгую и никчемную жизнь почти в святую и праведную.

Плацкарта

Поездка в поезде – это маленькая жизнь. А может и большая. Потому что ты соприкасаешься с десятками жизней. По стечению обстоятельств оказываешься в одном замкнутом пространстве с незнакомыми людьми. Обрывки фраз, приветствия, жесты, а уж истории, тем более, много могут поведать за короткое время. Ты также невольно становишься попутчиком, собеседником или слушателем. Наверно, твой портрет также оценивают, анализируют, если кому это интересно. Ольга обожала поезда. Железная дорога. Она часто ездила из Московской области в Самарскую. Там жили ее родители и другие родственники. Брат после Армии тоже перебрался в Москву, где Оля училась в Пединституте. На последнем курсе повстречала хорошего парня, и они обосновались под Москвой. Брат также женился. Короче, были рядышком. Рядом и росли их дети. Родители не только не скучали, но порой и не успевали отдохнуть от их визитов. А внуки почти все каникулы проводили в деревне у бабушки с дедушкой. У Ольги, как у педагога, тоже были длинные отпуска. Осенью или зимой сама бабушка приезжала. Так что железная дорога всегда несла с собой ожидание скорой встречи, радость, покой и веселье, а плацкарт был уже предтечей дома родного.

Но эта поездка была для Ольги не веселой. Она возила

мать в Москву на обследование. Намыкавшись в местных клиниках, они поехали за диагнозом в Москву. Самое худшее подтвердилось, и дочь еле сдерживала слезы, чтобы не выдать себя. Матери же она сказала про утешительные прогнозы.

Как на зло, собирались они быстро, места в вагоне оставались лишь боковые, и матрасы к тому же, как оказалось, старые и комковатые. Мама присела и взвыла от боли. Побелела вся. Ольга хотела тут же сделать ей укол, но она отказалась:

– Да ты что!? При народе. Тут? Нет! – Вот такая она была упрямая.

И с соседями им не повезло. Ехала шумная и достаточно веселая компания, хотя собрались они, как оказалось, на сорок дней к матери. Еще двое присоединились к плацкарте напротив их из соседнего. Складывалось впечатление, что шесть человек не виделись сто лет. Затем из их громкого разговора выяснилось, что так и было. Две женщины средних лет и четверо мужчин от пятидесяти до шестидесяти лет собрались вместе, наконец, после долгих лет.

– А мне было никак не успеть, – тараторила одна, хоть я и ближе всех живу. Ведь, хоронят-то в деревне на второй день.

– Ну, а мне тем более, из Северодвинска и самолетом не успеть, – оправдывалась другая.

– А я на девять дней думал поеду, так с работы не отпустили, – вторил третий брат, который выглядел моложе всех.

– Ох, Сережка, как же ты вырос! Я ж тебя до Армии еще

видела. Надь, правда изменился?

– Так все мы изменились. Встретились бы на улице, не узнали!

– Вас, сестренки, я точно не узнал бы! Уехал из деревни, когда вы еще под стол пешком ходили, – произнес самый старший брат, лет под шестьдесят. – Да и у матери-то был лет пятнадцать назад последний раз, когда отца хоронили, Царство Небесное им теперь.

– А мы вот и на его похороны не успели.

– Ну давайте выпьем за встречу, за мать. Земля ей пухом.

Соседи потихоньку разливали дорогой коньяк в стаканы с подстаканниками, чтобы не заметила полиция, которая периодически проверяла вагоны. Однако, из-за выпитого их разговор становился все громче и развязнее. Они перенеслись на другие темы: вспоминали свое детство, потом поведали друг другу кто куда разъехался, на кого выучился, кем работает, сколько детей и тому подобное. В результате, среди них оказался и начальник какой-то базы, директор магазина, у другого свое ИП. Одним слово, как говорят, выбились в люди. Все чаще стали наполняться стаканы, все хвастливее становились речи, прямо, как на встрече одноклассников через двадцать-тридцать лет, а не родных братьев и сестер. Ольге было тяжело это слушать, но уши не заткнешь же. Мама сидела рядом, живая, но со смертельным диагнозом. Дочь вспомнила, как тоже напилась коньяка от горя, когда узнала результаты исследований. Даже врач-онколог не смотрел ей

в глаза, когда произносил диагноз, а смотрел долго в окно. Вот так пила и рыдала всю ночь у себя в спальне. Она не могла поверить, что мамы скоро не будет… Не могла.

– Слушайте, что-то мы совсем развеселились, давайте тише, а то нас точно заберут, – спохватился один брат, опять подливая коньяк в стаканы.

– Ой, да успокойся ты, Миха, мы сейчас с Райкой черные ажурные платки накроем, – Надя тут же вытащила траурные шали из сумки, – это кто ж против горя попрет! – Рассмеялась она.

– Кстати, а как там наш Петюнька младшенький, он вроде ведь с мамкой жил?

– Так он, наверно, и там.

Мне мать писала, давно еще правда, лет пять назад, что пьет он. Не совсем в запоях, но пьет. То работает, то на мамкину пенсию живет.

– Да уж, непутевый он у нас.

– Ну, в семье не без урода, как говорится.

– Ну да ладно, давайте о деле. Завтра приедем, поминки справим, а послезавтра я уже забила время у нотариуса в районе. Надо будет документы на дом у Петьки поискать не забыть, и к двенадцати часам в город.

Тут все закивали головой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.